

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH162376-393>

Кирчанов Максим Валерьевич,
д.и.н., доцент,
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
maksymkurchanoff@gmail.com

«ЭТНИЧЕСКОЕ» В СОВРЕМЕННОМ ГРУЗИНСКОМ ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ («АРИЛИ» И «ДИДГОРИ» КАК АКТОРЫ «ВООБРАЖЕНИЯ СООБЩЕСТВА» И «ИЗОБРЕТЕНИЯ ТРАДИЦИЙ»)

Аннотация. Автор анализирует коллективные представления об этничности и этнической культуре в современном интеллектуальном дискурсе Грузии в контекстах междисциплинарных теорий национализма. В современной модернистской историографии национализм воображается как социальный и культурный конструкт и одно из последствий модернизации, что минимизирует фактор этничности, редуцируемой до одной из изобретаемых традиций. Целью статьи является анализ различных форм и измерений «этничности» и «этнического» в современном грузинском культурном национализме как модернистском и конструктивистском проекте. Автор, используя методы «воображения сообществ» и «изобретения традиций», предложенные в модернистской историографии национализма, и трансплантируя их в контексты истории грузинского национализма, предполагает, что 1) современный проект нации в Грузии основан на воображении грузин как политического сообщества и актуализации концептов «картвелоба»; 2) грузины анализируются в категориях политического сообщества, а не исторической нации; 3) картвелоба определяется как изобретенная традиция, возникающая в интеллектуальном дискурсе как результат трансплантации западных теорий национализма. Поэтому, автор, с одной стороны, анализирует роль этничности и этнической культуры, как ее институционализированной формы, санкционированной профессиональными интеллектуалами как националистами в развитии современного националистического воображения в контекстах активностей грузинских интеллектуалов как основных производителей националистического дискурса, с другой, в статье предполагается, что 1) грузинские интеллектуалы активны в своих попытках развития концепта «картвелоба» как синтетической «воображенной» или «изобретенной» версии грузинскости, 2) они не склонны к этнографизации этнической культуры в постсоветских формах, отвергая советские модели ее музеефикации, 3) вместо ассимиляционной постсоветской модели актуализации этнической культуры, грузинские интеллектуалы стремятся к ее ревитализации и актуализации в мире постмодерна и общества потребления, что позволило синтезировать ценности картвелоба как этнической культуры и принципы нации как политического сообщества. Поэтому, автор анализирует грузинскую модель развития национализма как компромиссную: с одной стороны, этническая культура представлена в культурных пространствах, а интеллектуальные трансплантации западной культуры, с другой стороны, не исключают проявления грузинской этничности, содействуя ее интеграции в западный канон.

Ключевые слова: Грузия; интеллектуалы; изобретение традиций; воображение сообществ; этничность; этническая культура; картвелоба; актуализация этничности; национализм.

© Кирчанов М.В., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH162376-393>

Maksim V. Kirchanov,
PhD (History), Assistant Professor
Voronezh State University, Voronezh, Russia
maksymkyrchanoff@gmail.com

ETHNIC ELEMENT IN THE CONTEMPORARY GEORGIAN POSTMODERNIST INTELLECTUAL DISCOURSE ("ARILI" AND "DIDGORI" AS ACTORS OF "IMAGINED COMMUNITIES" AND "INVENTED TRADITIONS")

Abstract. The paper attempts to analyze collective ideas of ethnicity and ethnic culture in the modern intellectual discourse of Georgia in the context of interdisciplinary theories of nationalism. In the contemporary modernistic historiography nationalism is considered as a social and cultural construct and one of the consequences of modernization, which minimizes the factor of ethnicity, reduced to one of the invented traditions. The purpose of the article is to analyze various forms and dimensions of "ethnicity" and "ethnic" in modern Georgian cultural nationalism as a modernist and constructivist project. The author, using the methods of "imagined communities" and "invention of traditions" proposed in the modernist historiography of nationalism, and transplanting them into the contexts of the history of Georgian nationalism, suggests that 1) the modern project of nation in Georgia is based on the idea of Georgians as a political community and the actualization of the concepts of "kartveloba"; 2) Georgians are analyzed in terms of a political community, not a historical nation; 3) kartveloba is defined as an invented tradition, originated in intellectual discourse as a result of transplantation of western theories of nationalism. Therefore, the author, on the one hand, analyzes the role of ethnicity and ethnic culture as its institutionalized form, sanctioned by professional intellectuals as nationalists in the development of modern nationalist imagination in the contexts of the activities of Georgian intellectuals as the main inspirers of nationalist discourse, on the other hand, the author believes that 1) the Georgian intellectuals are active in their attempts to develop the concept of "kartveloba" as a synthetic, "imagined" or "invented" variant of the true Georgian identity; 2) they are not inclined to ethnographize ethnic culture in the post-Soviet forms, rejecting the Soviet models of its museumification; 3) instead of an assimilative post-Soviet model of actualization of ethnic culture, Georgian intellectuals seek to revitalize and actualize it in the world of postmodernism and consumer society, which allowed us to synthesize the values of kartveloba as an ethnic culture and the principles of a nation as a political community. Thus, the author considers the Georgian model of the development of nationalism as a compromise: on the one hand, ethnic culture is represented in cultural spaces, while on the other hand intellectual transplantations of western culture do not exclude manifestations of Georgian ethnicity, facilitating its integration into the western canon.

Keywords: Georgia; intellectuals; invention of traditions; imagined communities; ethnicity; ethnic culture; kartveloba; actualization of ethnicity; nationalism.

© M. Kirchanov, 2020

© Dagestan Federal Research Centre of RAS, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Формулировка проблемы

В междисциплинарной историографии национализма на современном этапе ее развития доминируют конструктивистские и модернистские подходы, в рамках которых нации воспринимаются как вторичные производные категории, воображаемые сообщества или изобретенные традиции, от национализма. Поэтому появление современных или современных наций и идентичностей связывается с деятельностью националистически ориентированных интеллектуалов, что ведет к описанию и анализу национализма как культурного, социального или политического явления.

В рамках такого подхода категории «воображения» и «изобретения» нации как сообщества через различные формы модернизации становятся более важными, чем те этнические особенности тех или иных групп, которые в результате различных активностей националистов-интеллектуалов трансформировались в современные нации. Большинство историков национализма, как классики [1; 2; 3; 4; 5; 6], так и современные авторы [7; 8; 9; 10; 11], склонны описывать нации в культурной и социальной системах координат, нередко преувеличивая значение социальных факторов в процессах трансформации традиционных групп в нации как воображаемые сообщества, игнорируя языковые и культурные факторы домодерного периода, которые фактически отличают нации как воображаемые сообщества друг от друга.

Ни Э. Геллнера [12], ни Б. Андерсона [13], ни Э. Хобсбаума [14] нельзя заподозрить в излишнем интересе к проявлениям этничности – не этнические, но культурные (формирование и продвижение стандартизированных языков сначала при помощи книгопечатания, а позднее через систему школьного образования), социальные и даже классовые факторы воспринимались ими в качестве определяющих в рамках трансформации традиционных групп в воображаемые сообщества как современные нации-государства. В классической модернистской историографии национализма этнические измерения нередко присутствуют как вынужденно необходимый фон социальных, культурных или классовых изменений и трансформаций, что отличает этот подход от примордиалистских интерпретаций Э. Смита [15], которые традиционно в большей степени сфокусированы на этнической стороне, игнорируя другие факторы.

Тем не менее и те историки, которые предпочитают пребывать в рамках модернистской парадигмы национализма как социального и культурного конструкта, вынуждены в той или иной степени учитывать различные по своему генезису факторы (социальные, культурные, этнические), но они нередко описываются в рамках модернистского модуса восприятия нации, что редуцирует их до изобретенных традиций той или иной группы как воображаемого сообщества.

Историография

Несмотря на то, что классическая модернистская историография национализма признавала определенную роль этничности, большинство сторонников радикальной конструктивистской эпистемологии предпочитали локализовать этничность на уровне карты или специализированного этнографического музея, хотя и первое, и второе воспринимались как изобретенные традиции, порожденные развитием националистического воображения и гуманитарных наук, продвигаемых националистически ориентированными интеллектуалами XIX или XX века – поэтому, практически все «этнические» моменты в классическом исследовании Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» оказались редуцированными до одной главы «Перепись, карта, музей», а авторы не менее значимого сборника «Изобретение традиции» и вовсе свели этническое к одному из атрибутов социальных, политических или даже классовых конструктов.

Таким образом, этнические сюжеты оказались маргинальными в современной междисциплинарной историографии национализма, основанной на конструктивистских или модернистских модусах описания и интерпретации этничности как одного из проявлений социального и культурного конструктивизма. Несмотря на это, среди современных национализмов существуют и те, которые имеют не только политические и культурные, но и этнические и лингвистические основания, хотя и в их изучении доминируют модернистские объяснения. Среди подобных национализмов, вероятно, следует локализовать и грузинский несмотря на то, что в его зарубежной [16; 17; 18; 19] и российской [20; 21; 22] современной историографии явно преобладают конструктивистские интерпретации, в пользу которых периодически склоняются и сами грузинские интеллектуалы [23; 24].

Проблемы методологического языка в описании грузинского национализма

Ситуация осложняется тем, что грузинский национализм – не самый «удобный» кандидат для изучения в рамках конструктивистской парадигмы, склонной воспринимать национализмы как современные, современные конструкты. Модернистская парадигма в грузинском случае не очень хорошо соотносится с возможностями историков проследить/реконструировать историю грузин на протяжении нескольких тысячелетий, выделить этнических предков грузин в древних источниках, соотнести их с археологическими культурами, что воспринимается сторонниками примордиального подхода в их полемике

с модернистами, претендующими на выработку универсального языка описания национализма. В этой ситуации возможны два прочтения истории грузинского национализма. В рамках этнической парадигмы, влиятельной в грузинской историографии, грузин можно воспринимать как нацию с продолжительной, с хронологической точки зрения, историей, подкрепляемой этничностью, проецируемой как на древние, так и средневековые группы, что, правда, не исключает возможность и конструктивистских интерпретаций, которые сводят грузин к современной нации и воображаемому сообществу, что нивелирует несколько столетий истории до историографического концепта/конструкта и изобретенной традиции. Сторонники этого подхода указывают только на формальные, внешние сходства между современными грузинами и их средневековыми и древними предками, полагая, что последние не имели грузинской идентичности в ее современном понимании, будучи носителями традиционных, преимущественно религиозных и локальных форм самосознания. Изучение грузинского национализма в рамках модернистской парадигмы основано на вынужденной необходимости синтеза примордиальных представлений о многовековой картвельской этничности с конструктивистскими прочтениями истории, основанными на восприятии грузин как современной нации через перенос в грузинские исторические и культурные контексты представления о нации как воображаемом сообществе.

Цель и задачи статьи

Целью статьи является анализ двух форм актуализации «этничности» и «этнического» в современном грузинском культурном национализме как модернистском и конструктивистском проекте, основанном на воображении грузин как нации в категориях политического сообщества и конструирования концептов «ქართველობა»/«картвелоба» как изобретения традиций через трансплантацию западных интерпретаций процессов национального строительства. Под первой формой понимается активность интеллектуалов в воображении грузин как сообщества, синтезируя принципы политического и этнического. Вторая форма подразумевает инструментализацию этничности через ее «изобретение», которое проявляется в активности фольклорных групп в силу того, что их деятельность в целом вписывается в концепт «изобретения традиций». Задачами статьи является анализ тех социальных и культурных практик и стратегий, при помощи которых грузинские интеллектуалы не только актуализируют этническое, но и смогли достичь компромисс между ценностями традиции и этничности, с одной стороны, и принципами политической нации, воспринимаемой как воображаемое сообщество, институционализированное через модернизацию, с другой.

Источниковый корпус

Картвельская этничность и этническое достаточно широко представлено в современных культурных и социальных пространствах современной Грузии – от доминирования грузинского языка до особой используемой им графики, от присутствия этнической культуры в быту до интереса к этничности со стороны интеллектуалов. Анализируя особенности двух форм визуализации этничности и этнической культуры в современном интеллектуальном дискурсе Грузии, автор, во-первых, рассмотрит интеллектуальные особенности проявления этнического в журнале «აზოლი» («Арили») как одном из ведущих изданий широкой гуманитарной направленности. Во-вторых, автор наряду с интеллектуальным проанализирует «массовый» срез визуализации этничности, сосредоточившись на роли в этом процессе фольклорного ансамбля “დიდგორი” («Дидгори») – поэтому, предполагается, что «Арили» и «Дидгори» актуализируют две стратегии визуализации этничности. В целом активность интеллектуалов, связанных как с «Арили», так и «Дидгори», как двумя формами визуализации этнического, актуализирует одновременно современный проект грузинской нации как европейской, а также визуализирует принципы грузинской идентичности и этничности, ориентированные в модель функционирования интеллектуального сообщества, построенную в соответствии с трансплантированными с Запада принципами.

Стратегии актуализации «этнической» культуры

Каким образом интеллектуалам в современной Грузии удастся сочетать ценности грузинской этничности с принципами западной нации-государства?

Подобно тому, как «каждая политическая система определенным образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [25], так и современные грузинские интеллектуалы выработали свои механизмы актуализации «картвелоба» как синтезированной и компромиссной версии этнической культуры. В интеллектуальной ситуации советского периода, которая фактически предшествовала рывку грузинского интеллектуального сообщества в постмодерн, «знания и представления об историческом прошлом своей страны в Грузии всегда были важнейшим элементом социальной памяти» [26], что косвенно давало интеллектуалам моральное право на то, чтобы быть не только выразителями этнической культуры, но и ее фактическими архитекторами.

Актуализация этнической культуры в современной интеллектуальной ситуации локализуется в рамках гетерогенных тактик и стратегий,

направленных на воображение прошлого, включающие в себя практики, обозначаемые и определяемые, например, в современной немецкой историографии как «историческая политика» (Geschichtspolitik), «политика» прошлого (Vergangenheitspolitik), «политики идентичности» (Identitätspolitik), «политика памяти» (Erinnerungspolitik), «культура памяти» (Erinnerungskultur), «культура истории» (Geschichtskultur) и «историческое сознание» (Geschichtsbewusstsein) [27], которые вполне применимы для описания спектра и диапазона отношений грузинских интеллектуалов с этнической культурой. На современном этапе, как полагает П. Барковски, «необходимо продолжать деконструировать – критиковать и заново определять те смыслы, которые нами теряются в результате деполитизации политического мира, через декультурализацию культуры и нигилизацию мышления в новейшем обществе» [28], что ставит перед интеллектуалами самые разнообразные задачи, связанные, в том числе, и с актуализацией и визуализацией их собственных этничностей или этнической культуры того сообщества, к которому они формально принадлежат.

В рамках современного грузинского интеллектуального сообщества, которое издает журнал «*აზროლა*», являясь одновременно и основным потребителем этого культурного продукта, используются две стратегии соединения и примирения грузинской этничности с ценностями западной нации и культурного национализма: с одной стороны, важным каналом интеграции этнической культуры в западные/европейские каноны следует признать перевод и публикацию на грузинском языке текстов западных интеллектуалов; с другой стороны, не менее значимой формой актуализации и поддержания этничности может быть и интеграция западного культурного продукта в традиционно грузинские контексты, что в определенной степени содействует вестернизации самого концепта «картвелоба».

Этническое в интеллектуальных традициях грузинского постмодерна

Важной формой актуализации этничности следует признать попытки визуализировать проявления традиционной этнической культуры в грузинских контекстах, что предусматривает также интеграцию образов коллективно воображаемой и конструируемой Сакартвело как аграрного / крестьянского рая в постмодернистский коллективный текст грузинской идентичности, который поддерживается культурными и интеллектуальными стимулами, связанными с европейскими и западными влияниями на современное интеллектуальное сообщество, что, как правило, проявляется в переводах текстов западных интеллектуалов на грузинский язык.

Подобные переводы не ведут к ассимиляции грузинской культуры – они,

скорее наоборот, интегрируются в грузинские контексты, переосмысливаясь местными интеллектуалами, с одной стороны, и становясь, с другой, стимулами для актуализации этнической культуры. В частности, в начале 2020 года, с одной стороны, на грузинский язык было переведено эссе Маркуса Габриэля «Нам нужна метафизическая пандемия», в которой автор патетически декларировал, что «без морального прогресса нет реального прогресса... сам XXI век – это пандемия, результат глобализации. Вирус просто делает видимым то, что было вокруг в течение долгого времени: нам нужна совершенно новая идея глобального просвещения»¹.

С другой, грузинские интеллектуалы еще в 2010 году сформулировали проблемы сосуществования и соотношения культуры современной и культуры христианской – в этом сопоставлении первая была символом модернизации, а вторая – традиции и связанной с ней этничности. Тимур Кобахидзе, например, полагал, что «когда новый, оригинальный поэтический контент создается на основе традиционной истории Евангелия, обычно не имеет значения, нужно ли нам защищать детали истории или точно сопоставлять их с текстом Евангелия. Обычно о таком совпадении не может быть и речи, поскольку светская поэзия не является ни текстом литургии, ни иконографией. Также не имеет смысла следовать буквальному писанию или церковному закону. Более того, именно отклонение от установленного закона часто показывает творческое кредо автора и суть того, что он должен сказать»².

Культурная динамика второго десятилетия XXI века только укрепила грузинских интеллектуалов, которые об этничности размышляли меньше, чем о западном модерне и постмодерне³, словно по-прежнему пребывая в состоянии ментального путешествия своих исторических предшественников⁴, конструируя и изобретая коллективный Запад как канон, в Европу, в мысли, что кавказец как основа этнической культуры сталкивается с системными угрозами и вызовами современности. Высказанная озабоченность интеллектуалов этнических сообществ относительно их идентичностей и сохранения этничности в контекстах глобализации оказалась не только понятой, но и востребованной в грузинских культурных контекстах.

Это, в частности, относится к текстам Кетеван Нателадзе, герой которой

1 გაბრიელი მ. ჩვენ გვჭირდება მეტაფიზიკური პანდემია // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2020. – 21 მარტი. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/მარკუს-გაბრიელი-ჩვენ-გვჭირდება-მეტაფიზიკური-პანდემია/>

2 კობახიძე თ. მოგვთა მოგზაურობა საკრალურ დროში // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2010. – 22 ივნისი. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/თემურ-კობახიძე-მოგვთა-მოგზაურობა-საკრალურ-დროში/>

3 ცხვედიანი ი. ქალაქის საგა: “საგანთა ცენტრი” თუ ფანტასმაგორიული ლაბირინთი // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2015. – 22 ივლისი [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/ირაკლი-ცხვედიანი-ქალაქის-საგანთა-ცენტრი-თუ-ფანტასმაგორიული-ლაბირინთი/>

4 ხარბედია მ. “მოგზაურობა ევროპაში”: ტექსტის არქეოლოგიის მცდელობა // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2016. – 8 დეკემბერს [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/მალხაზ-ხარბედია-მოგზაურობა-ევროპაში-ტექსტის-არქეოლოგიის-მცდელობა/>

призывает «идти в деревню на нашей старой машине, и сказать мне, каким был твой дом в начале»⁵, что можно фактически интерпретировать как попытку вырваться из замкнутого круга модернизации и урбанизации (как одного из ее проявлений), вернувшись к традиционным этническим корням, но вердикт героя неутешителен, так как он вынужден признать, что «мы сожгли дом»⁶, что актуализирует дискретность в существовании культурных и социальных поколений, фактически низводя этничность и этнические традиционные культуры до уровня артефакта и экспоната в этнографическом музее современного города.

Вероятно, именно поэтому некоторые грузинские интеллектуалы подвержены культурным фобиям утраты этничности и кризиса этнической культуры, эрозия которой неизбежно ведет к тому, что «все меняется, мы также изменили свое лицо, мы также изменили дух и теперь мы деревья... в такие времена мы похожи друг на друга»⁷ ровно настолько, насколько «ყველა მკვდარი ენა უკვდავია» / «все мёртвые языки бессмертны»⁸, что стало попыткой со стороны грузинских интеллектуалов заявить о своих фобиях, связанных с угрозой отмирания этнической культуры в глобализирующемся мире. Кетеван Нателадзе, подобно другим интеллектуалам, полагает, что в современном мире этническая культура чрезвычайно уязвима, что стало следствием коллективных социальных и культурных травм модернизации в ее советском и западном вариантах, которая и стала причиной развития в Грузии исторической амнезии, связанной с маргинализацией этнического, которое не смогло конкурировать с глобальным.

Рамаз Гигаური⁹, противопоставляя национальное и глобальное, актуализирует образы грузинской аграрной периферии, где деревня становится последним оплотом этничности, а ее обитатели – носителями этнической культуры. В этой ситуации некоторые герои современной грузинской поэзии воспринимают мир как «город мертвых»¹⁰, или «продают помидоры на рынке»¹¹, актуализируя как связь, так и преемственность с традиционной этнической архаичной культурой, основанной на

5 ნათელაძე ქ. ძველი ავტომობილი // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2020. – 15 მარტი. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/ქეთევან-ნათელაძე-ძველი-ავ/>

6 ნათელაძე ქ. ჩვენ დავწვით სახლი // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2020. – 15 მარტი. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/ქეთევან-ნათელაძე-ძველი-ავ/>

7 ნათელაძე ქ. ხეები // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2020. – 15 მარტი. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/ქეთევან-ნათელაძე-ძველი-ავ/>

8 ლომიძე გ. ჰმ // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2018. – 5 აგვისტო. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/გიო-ლომიძე-ჰმ-და-სხვ-ლექს/>

9 გიგაური რ. ლექსები ციკლიდან: ხევსურული სკვნილი // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2019. – 11 სექტემბერი [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/რამაზ-გიგაური-ლექსები-ცი/>

10 ქელეხიძე ნ. რომ არსებობდეს მიწის ზემოთ მკვდრების ქალაქი... // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2019. – 20 სექტემბერი [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/ნანა-ქელეხიძე-ლექსები/>

11 გიორგაძე ვ. პამიდვრის გამყიდველი // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2020. – 15 იანვარი. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/ვაჰუზა-გიორგაძე-პამიდვრ/>

земледелии, или придаются пространными рефлексиям относительно кризиса идентичности, когда герой страдает от социальной и культурной амнезии: «я не могу вспомнить многое из прошлого, я не помню, что пела моя мама или пела ли она вообще. Я не помню, какой голос был у моего отца, и я даже не помню свой дом»¹².

Поэтому, если герой современной грузинской поэзии «оставляет немного места в кармане для романтики»¹³, то вопрос сможет ли он взять в проект глобального мира этничность, остается открытым – в этой ситуации Грузия в грузинской поэзии превращается в периферийный этнографический музей для иностранцев, которые декларируют, что «мы изучаем болота в Грузии – в вашей стране есть интересные болота»¹⁴. Неудивительно, что анонимные и персонифицированные герои современной грузинской литературы, хотя и ощущают связь с тем, что является «картвелоба», они, тем не менее, ощущают отчуждение от традиционной этнической культуры, опасаясь утраты этнического «я», потери языка, что выразил Андро Дадияни, вынужденно признавший, что «სიტყვებმა დაგვტოვეს» / «слова покинули [нас]», а «გიორგიც და რუსთაველიც მკვდარია» / «გიორგი и Руставели мертвы»¹⁵.

Герой одного из стихотворений Звиада Ратиани в Германии чувствует себя как в раю¹⁶, а герои рассказа «Поступь Чиа» Левана Шатберашвили, Заал Бурдуладзе, «45-летний молодой и многообещающий грузинский писатель» встречается с Ломером Шаламберидзе, «43-летним перспективным молодым грузинским философом» «холодным зимним вечером... перед статуей Маркса и Энгельса в Берлине», где они вынуждены «проводить некоторые сравнения между Грузией и всеми странами», в которых им довелось побывать¹⁷ – при этом Л. Шатберашвили вынуждает своих героев оставаться грузинами и патриотами, но их любовь к Сакартвело не иррациональна, но рациональна, что сближает их с европейскими интеллектуалами-националистами, склонными рефлексировать на тему «სამშობლოა დღეს ჩემი დარდი» / «Родина – моя сегодняшняя скорбь», лавируя и балансируя между нацией граждан и почти иррациональной верой в то, что «ჩემი ქვეყანა აწ და მარადის!» / «моя страна вечна»¹⁸, изобретая ее в

12 გიორგაძე პ. დღემდე მოსვლა // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2020. – 15 იანვარი. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/პაპუნა-გიორგაძე-პამიდვრ/>

13 ლომსაძე გ. სიცივე სხვების უბანში // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2020. – 15 მარტი. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/გიორგი-ლომსაძე-სიცივე-სხ/>

14 ჩხეტიანი თ. მათიას უნგერს // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2019. – 23 ივნისი [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/თემურ-ჩხეტიანი-მთელი-180-გრ/>

15 დადიანი ა. ქალაქი და სხვა ლექსები // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2019. – 14 ოქტომბერი [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/ანდრო-დადიანი-ქალაქი-და-ს/>

16 რატიანი ზ. განდევნა სამოთხეში // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2019. – 13 დეკემბერი [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/ზვიად-რატიანი-განდევნა/>

17 შატერაშვილი ლ. ჩია ნაბიჯები // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2020. – 9 თებერვალი [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/ლევან-შატერაშვილი-ჩია/>

18 სამხარაძე ნ. დამავიანდა // არილი. საზოგადოებრივ-ლიტერატურული ჟურნალი. – 2020. – 24 იანვარი [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arilimag.ge/ნინა-სამხარაძე-დამავიანდა/>

координатах политической нации как воображаемого сообщества граждан, но не в контекстах этнической культуры, что фактически санкционирует монополизацию права на ее актуализацию другой группой интеллектуалов, в большей степени склонной к традиционалистской версии грузинского национализма.

«Дидгори» как участник «изобретения традиций» и сохранения этнической культуры

Если видимость и присутствие «აზროლი» в культурных пространствах Грузии можно интерпретировать в категориях вестернизации интеллектуального сообщества, то “დიდგორი” в большей степени актуализирует присутствие интеллектуалов традиционалистской направленности. История хора “დიდგორი” начинается в 2003 г., когда инициатором его создания выступил архимандрит Иоанэ Киквадзе (იოანე კიკვაძე). 2000–2010-е годы стали в Грузии не только периодом политики десоветизации и радикальных реформ, но и кризиса идентичности, что вынуждало некоторых грузинских интеллектуалов констатировать угрозы эрозии и размывания оснований традиционной культуры. В частности поэт Гиორги Лобжанидзе выразил свою обеспокоенность по этому поводу образно, подчеркнув, что почти все, что имело значение для его социализации, оказалось на «сельском кладбище»¹⁹, а режиссёр Гига Ликликадзе указывает на значительные культурные и социальные деформации²⁰, характерные для современного грузинского общества.

Ансамбль изначально был организован в качестве альтернативы как советской традиции сохранения и развития этнической / народной музыки, которая доминировала в Грузинской ССР, так и современным попыткам ее интеграции в массовую культуру. Комментируя особенности советской системы сохранения этнической музыки, участники коллектива полагают, что «к сожалению, во времена Советского Союза стали делать так: много певцов объединялись в одном большом хоре, и они пели с дирижёром. Хотя по-своему это было и хорошо потому, что много грузинских песен сохранилось. Но сейчас так делать уже не принято... у нас в советский период певцов объединяли в большие хоры – по 80–90 человек. Песнопения в связи с этим изменились. Хотя академические хоры своё дело сделали – сохранили у народа любовь к фольклору. Но эти хоры исполняли песни

19 დვალი თ. სოფლის სასაფლაოზე თითქმის ყველა, ვინც მე მეძვირფასებოდა - ინტერვიუ გიორგი ლობჯანიძესთან // რადიო თავისუფლება. 2020. მარტი 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/soplis-sasaplaozea-titkmis-q'vela-vints-me-medzvirpaseboda---int'erviu-giorgi-lobzhanidzestan/30493419.html>

20 დვალი თ. გაღორებულ საზოგადოებად ვიქეციო - ინტერვიუ რეჟისორ გიგა ლიკლიკაძესთან პრემიერის წინ // რადიო თავისუფლება. 2020. იანვარი 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/aghorebul-sazogadoebad-vart-ktseuli---int'erviu-rezhisor-giga-lik'lik'adzestan-p'remieris-ts'in-/30381474.html>

из разных регионов Грузии одинаково, в одной манере. Потом люди стали слушать старые записи и поняли, что старинные стили пения гораздо лучше. И нынешние фольклорные ансамбли стараются передать характер песен каждого региона»²¹. Поэтому в своей деятельности коллектив уделяет особое внимание сохранению локальных особенностей грузинской этнической музыки и ее идентичности, предлагая слушателям аутентичные версии, которые подвергаются академической обработке в несколько меньшей степени, чем это делалось в советский период.

В этом контексте коллектив стал попыткой выйти из состояния кризиса идентичности, который декларируется рядом грузинских интеллектуалов, которые, образно комментируя актуальное положение в культуре, полагают, что «человек оказывается в эпидермисе, заполненном мертвыми клетками, который занимает около двух квадратных метров... Я говорю решительное “нет” моим социальным ранам... “Социальные раны” сформировали мои эмоции, мою память»²². На официальном сайте коллектива декларируется то, что «искренняя любовь к родине, преданность и непоколебимая защита духовного наследия предков» стали основными мотивами в выборе и формировании репертуара.

Руководителями ансамбля в разные годы были Левана Цитаишвили (ლევან წიტაიშვილი) и Гиви Абесадзе (გივი აბესაძე) инициировавшие обращение к традиционной грузинской культуре и этнической музыке, в частности – к народным песням и церковным песнопениям, образцы которых собираются членами группы, изучаются, систематизируются, после чего подвергаются музыкальной записи. Комментируя особенности работы коллектива, Гиви Абесадзе подчеркивает, что «мы находим записи грузинских народных песен, которые были сделаны в начале XX века, и на них учимся. Что касается церковного пения, то, к счастью, у нас есть ноты»²³. По результатам этой деятельности в 2007 и 2010 году коллектив выпустил два диска²⁴, включающих грузинские песни, фиксируемые в разных регионах Грузии, включая Абхазию, Аджарию, Сванети, Кахети, Хевсурети, Самегрело. Оба диска размещены на официальном сайте группы (<http://www.didgorelebi.ge>), что содействует виртуализации и большей визуализации грузинской этнической культуры в интернете.

В музыкальном репертуаре коллектива преобладает именно этническая компонента, что признается и его участниками, например Николозом

21 Грузинский фольклорный ансамбль «Дидгори»: Песня - как живой организм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1700946.html>

22 კახაძე თ. ყოფნასა და არყოფნას შორის [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/q'opnasa-da-arq'opnas-shoris/30389962.html>

23 Грузинский фольклорный ансамбль «Дидгори»: Песня - как живой организм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1700946.html>

24 პირველი სოლო კონცერტის ცოცხალი ჩანაწერი, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.didgorelebi.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=54&Itemid=54&lang=ka; სტუდიური ჩანაწერები, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.didgorelebi.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=50&Itemid=54&lang=ka

Иванишвили, подчеркивающим, что «мы поём только церковные песнопения и старые песни, которые пели наши предки. Стараемся следовать нашим богатым традициям»²⁵. Наряду со сбором народных песен, члены коллектива занимаются и архивной работой, направленной на поиск и публикацию текстов, записанных исследователями в предшествующие периоды. “ფოფოგობო” принимает активное участие в мероприятиях, организуемых национальными активистами, защитниками и популяризаторами этнических культур – в частности, в 2008 г. коллектив участвовал в работе IV Международного фольклорного симпозиума, что свидетельствует о наличии нескольких направлений в его деятельности, которые варьируются от исполнения народной и церковной музыки до популяризации и ревитализации народной и этнической культуры.

Выводы

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые определяют основные векторы и направления как трансформации, так и функционирования «этнического» и «этничности» в современном дискурсе грузинского национализма.

Грузинский национализм в целом и грузинское националистическое воображение как форма активности интеллектуалов обладают значительными особенностями среди других национализмов современной Европы, несмотря на формально очень схожие стартовые условия (количественное доминирование в обществе групп – носителей традиционной идентичности, крайне незначительный процент населения, охваченного культурной и социальной модернизацией, конкуренция книжной культуры с традиционной в пользу второй) националистической модернизации. К началу активного националистического движения грузины представляли собой гетерогенные сообщества, которые отличались традиционной идентичностью с устойчивыми лингвистическими и религиозными основаниями. В этом отношении грузины мало чем отличались от других донациональных групп с неравноправным статусом, хотя их социальная структура была более сложной (сохранение дворянства, его интеграция в социальные структуры Российской Империи, региональные особенности в развитии культуры и языка грузин) чем аналогичные явления других групп Европы до развития национализма.

Грузинская этническая культура в формах, воображаемых усилиями интеллектуалов, стала фактически политически мотивированными изобретенными традициями – конструктами, созданными и предложенными интеллектуалами-националистами, которые использовали проявления традиционной и архаичной, фольклорной и религиозной культуры и

²⁵ Грузинский фольклорный ансамбль «Дидгори»: Песня - как живой организм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1700946.html>

этничности, интегрировали их в контексты и визуальные пространства культуры потребления массового общества, наделив их необходимыми характеристиками «древности» и «аутентичности» и превратив, тем самым, в политический инструмент для актуализации и визуализации грузинской этнической культуры – концепта «картвелоба» – в современном глобализирующемся мире. Важным фактором, который стимулирует грузинских интеллектуалов обращаться к традиционной музыкальной культуре в ее этнических формах, стал кризис предшествующей либроцентричной культурной модели, основанной на офф-лайнных и аналоговых культурных практиках, которые нации-государства унаследовали от проекта модерна. «Арили» и «Дидгори» в подобной интеллектуальной ситуации апеллирует одновременно к самым гетерогенным пластам грузинской этничности, включая не только ее либроцентричные формы христианства и модерной нации, но и проявления архаичной этничности более раннего периода.

В XX веке грузины в рамках авторитарной модели советской политической модернизации были подвергнуты значительным социальным и культурным трансформациям, которые превратили их в нацию. Особенностью ситуации стало то, что процессы националистической модернизации в Грузии и других регионах Европы оказались в значительной степени отличными друг от друга, несмотря на общность стартовых условий и аналогичные или в значительной степени близкие тактики и стратегии, применяемые политическими элитами в рамках модернизации. Основным и системным отличием грузинского национализма стала большая роль этничности и значения этнической культуры, что существенно отличает его от других европейских национализмов, которые в XX веке утратили потенциал этничности, сохранив ее в редуцированных и музеифицированных формах.

Какова же роль этничности и этнической культуры в развитии и функционировании современного грузинского национализма и националистического воображения интеллектуалов как основных производителей националистического дискурса?

Традиционные и архаичные формы этничности, представленные в языке и религиозности, стали теми основаниями, используя которые грузинские националисты инициировали модернизационные процессы, направленные на трансформацию носителей традиционных идентичностей в грузинскую нацию. Этничность, которая проявилась в языковых особенностях грузин, уникальности языка, его непринадлежности к языковым семьям соседних групп, использовании собственной письменности, стала фактором, стимулирующим националистическое воображение. Грузинские интеллектуалы-националисты в советский период осознали потенциал этничности для решения политических задач, что стимулировало их к ее интеграции в дискурс политического воображения – поэтому, националисты

«приручили», вообразили, изобрели, конструировали этничность.

Грузинская этничность, картвелоба, в XX веке подверглась определенным изменениям и трансформациям, которые стали последствиями социальной и политической модернизации. Советская модернизация, подобно западной, утвердила региональные формы массовой культуры, которые в значительной степени отличались от западной. Тенденции к культурной унификации и сериализации культуры через ее стандартизацию и массовое (вос)производство культурных продуктов существенно повлияли на сферы бытования этничности, в значительной степени изменив пространства их локализации.

Изобретенные традиции этнической культуры, актуализируемые «Арили» и «Дидгори», фактически ставшие конструктами, стимулируемыми глобализацией, превратились в инструмент этнического национализма, как актора модернизации, деконструировавшего аутентичные этнические культуры в силу их чрезвычайной архаичности и невозможности интеграции в националистический канон общества массового изобретения традиций. В этой ситуации “ფოფოზობო”, как и другие подобные коллективы, вовлечены в процессы националистического воображения / изобретения этнической культуры, кодифицируя и систематизируя народные музыкальные традиции, интегрируя их в компромиссный канон этнической культуры, которая сама стала одной из изобретенных традиций. Тактики, практики и стратегии этнической визуализации и репрезентации национальных активистов в Грузии отличаются значительной степенью гетерогенности.

Этническое в современной Грузии в значительной степени отличалось от этнических культур в других регионах, так как пространства его бытования, присутствия и доминирования не ограничивались культурными резервациями, включая специализированные академические институты, сфокусированные на изучении языка, или этнографические музеи и фольклорные танцевальные и песенные коллективы. Таким образом, националисты смогли «изобрести» грузин как сообщество, синтезировав ценности этничности в политической и культурной сферах, что превратило современный грузинский национализм в гражданский по форме, но этнический по содержанию – поэтому этническая культура оказывается широко представленной в культурных пространствах, а интеллектуальные трансплантации западной культуры вовсе не исключают проявления грузинской этничности.

Вероятно, следует предположить, что в условиях одновременного воздействия факторов как глобализации и регионализации, роль этнического национализма, как фактора развития этнической культуры, поддерживаемой националистами-интеллектуалами, будет оставаться относительно значительной, а этническая компонента в деятельности националистически ориентированных интеллектуалов и активистов станет основной формой визуализации и актуализации не только национальных

идентичностей наций как политических сообществ, но и этнической культуры как архаичной основы, позволяющей националистам визуализировать конструируемые ими нации как «воображаемые сообщества».

Актуальная фаза в развитии грузинского национализма ознаменована тенденциями его виртуализации, что вносит значительные коррективы в число тактик, стратегий и форм этнической мобилизации, доступных для националистов, значительно расширяя его. Изучение функционирования этнической компоненты как части современной «картвелоба» представляется крайне продуктивным в контекстах гетерогенных активностей интеллектуалов-националистов, которые интегрируют музыку в контексты изобретаемой политической, культурной и этнической нации. Кроме этого, в дальнейшем изучении нуждаются и активности групп, работающих в жанре «этнической» музыки в силу того, что те культурные практики, в производство которых они вовлечены, фактически представляют собой попытки актуализации этнического в современном глобализирующемся мире культуры массового потребления.

Современное интеллектуальное сообщество в Грузии оказалось поставлено перед институциональным выбором между модернизмом (политическая нация как воображаемое сообщество) и примордиализмом (картвелоба как внеисторическая категория), что сделало его склонным интегрировать западные культурные трансплантаты как конструкты в собственные контексты, имитируя и симулируя этническую культуру и вестернизацию этничности одновременно. В сложившейся ситуации логично предположить, что современные российские историки сталкиваются с определенным дефицитом работ, написанных отечественными авторами на русском языке, посвященным проблемам истории и актуального состояния грузинского национализма и идентичности, что придает особую актуальность дальнейшим междисциплинарным штудиям в направлении анализа этнического и политического аспектов в рамках интеллектуального и культурного состояния грузинского национализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kohn H. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. NY.: Transaction Publishers, 2005. 720 p.
2. Kohn H. *Nationalism Its Meaning and History*. NY.: Robert E. Krieger Publishing Co., 1965. 192 p.
3. Kohn H. *Age of Nationalism: First Era of Global History*. NY.: Harper and Row, 1962. 172 p.
4. Hayes C.J.H. *Nationalism*. L. – NY.: Routledge, 2016. 198 p.

REFERENCES

1. Kohn H. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. NY.: Transaction Publishers, 2005:720.
2. Kohn H. *Nationalism, Its Meaning and History*. NY.: Robert E. Krieger Publishing Co., 1965:192.
3. Kohn H. *Age of Nationalism: First Era of Global History*. NY.: Harper and Row, 1962:172.
4. Hayes C.J.H. *Nationalism*. L. – NY.: Routledge, 2016:198.

5. Hayes C.J.H. *The Growth of Nationalism 1848 – 1871*. NY.: Perennial Press, 2018. 66 p.
6. Hayes C.J.H. *Essays on nationalism*. NY.: The MacMillan Company, 1941. 279 p.
7. Smith A. *Nationalism and Modernism*. L. – NY.: Routledge, 1998. 288 p.
8. Stahl D. *An Analysis of Ernest Gellner's Nations and Nationalism*. NY.: Macat Library, 2017. 105 p.
9. Hazony Y. *The Virtue of Nationalism*. NY.: Basic Books, 2018. 305 p.
10. Greenfeld L. *Nationalism: A Short History*. NY.: Brookings Institution Press, 2019. 150 p.
11. Hobsbawm E.J. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 220 p.
12. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, NY.: Cornell University Press, 1983. 170 p.
13. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1983. 256 p.
14. *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 330 p.
15. Smith A. *Nationalism: Theory, Ideology, History*. L. – NY.: Polity, 2010. 200 p.
16. *Georgia after Stalin: Nationalism and Soviet power* / eds. T.K. Blauvelt, J. Smith. – L.: Routledge, 2015. – 212 p.
17. Manning P. *Strangers in a Strange Land: Occidentalists Publics and Orientalist Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries*. – NY.: Academic Studies Press, 2019. – 345 p.
18. *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus* / eds. A. Agadjanian, A. Jödicke, E. van der Zweerde. – L.: Routledge, 2014. – 295 p.
19. Suny R.G. *The Making of the Georgian Nation*. – Indianapolis: Indiana University Press, 1994. – 412 p.
20. Kirchanov M. Instrumentalization and imagination of ethnicity: Kartvelism as an invented tradition // *Central Asia and the Caucasus*. – 2017. – Vol. 18. – No 3. – P. 25 – 34.
21. Kirchanov M. Karvelism as a development paradigm of Georgian ethnic nationalism // *Central Asia and Caucasus*.
5. Hayes C.J.H. *The Growth of Nationalism 1848-1871*. NY.: Perennial Press, 2018:66.
6. Hayes CJH. *Essays on nationalism*. NY.: The MacMillan Company, 1941:279.
7. Smith A. *Nationalism and Modernism*. L. – NY.: Routledge, 1998:288.
8. Stahl D. *An Analysis of Ernest Gellner's Nations and Nationalism*. NY.: Macat Library, 2017:105.
9. Hazony Y. *The Virtue of Nationalism*. NY.: Basic Books, 2018:305.
10. Greenfeld L. *Nationalism: A Short History*. NY.: Brookings Institution Press, 2019:150.
11. Hobsbawm EJ. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012:220.
12. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, NY.: Cornell University Press, 1983:170.
13. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1983:256.
14. *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983:330.
15. Smith A. *Nationalism: Theory, Ideology, History*. L. – NY.: Polity, 2010:200.
16. *Georgia after Stalin: Nationalism and Soviet power* / eds. T.K. Blauvelt, J. Smith. L.: Routledge, 2015:212.
17. Manning P. *Strangers in a Strange Land: Occidentalists Publics and Orientalist Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries*. NY.: Academic Studies Press, 2019:345.
18. *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus* / eds. A. Agadjanian, A. Jödicke, E. van der Zweerde. – L.: Routledge, 2014:295.
19. Suny RG. *The Making of the Georgian Nation*. Indianapolis: Indiana University Press, 1994:412.
20. Kirchanov M. Instrumentalization and imagination of ethnicity: Kartvelism as an invented tradition *Central Asia and the Caucasus*. *Journal of Social and Political Studies*. 2017;18(3):25–34.
21. Kirchanov M. Karvelism as a development paradigm of Georgian ethnic nationalism *Central Asia and Caucasus*.

Journal of Social and Political Studies. – 2015. – Vol. 16. – No 1. – P. 102 – 113.

22. Kirchanov M. The main development vectors of Georgian nationalism in the context of political instability: between the Traditions of the Political Nation and the Challenges of Radicalization // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies.* – 2010. – Vol. 11. – No 3. – P. 126 – 137.

23. Chkhartishvili M. Georgian Identity: Stages of Development // *Georgian Identity and Culture.* – Tbilisi: Universal, 2009. – P. 41 – 65.

24. Chkhartishvili M. Georgian Nationalism and the Idea of Georgian Nation // *Codrul Cosminului.* – 2013. – Vol. 19. – No 2. – P. 189 – 206.

25. Наука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // Палітычная сфера. – 2006. – № 6. – С. 44 – 48.

26. Анчабадзе Ю. Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука // *Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа.* – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 159 – 175.

27. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra.* – 2009. – Май – август. – С. 89 – 108.

28. Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер // Палітычная сфера. – 2013. – № 21 (2). – С. 93 – 96.

Journal of Social and Political Studies. 2015; 16(1):102–113.

22. Kirchanov M. The main development vectors of Georgian nationalism in the context of political instability: between the Traditions of the Political Nation and the Challenges of Radicalization *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies.* 2010; 11(3):126– 37.

23. Chkhartishvili M. Georgian Identity: Stages of Development *Georgian Identity and Culture.* Tbilisi: Universal, 2009:41–65.

24. Chkhartishvili M. Georgian Nationalism and the Idea of Georgian Nation *Codrul Cosminului.* 2013;19(2):189–206.

25. Science and strategies for dealing with the past. Discussion within the framework of the Contemporary Belarusian Thinking Seminar, Institute of Sociology, Institute of Philosophy, NASU, March 16, 2006 [Navuka i stratehii pracy z minulym. Dyskusija ŭ miežach sieminara «Sučasnaje bielaruskaje myslennie», Instytut sacyjalohii, Instytut filasofii NAN, 16 sakavika 2006 hoda] *Political sphere [Palityčnaja sfera].* 2006(6):44-48.

26. Anchabadze Y. *National History in Georgia: Myths, Ideology, Science [Natsional'naya istoriya v Gruzii: mify, ideologiya, nauka], National Histories in Soviet and Post-Soviet States [Natsional'nyye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh] / eds. K. Aimmermacher, G. Bordyugov; forward F. Bomsdorf. M.: Friedrich Naumann Foundation, AIRO-XX, 2003: 159-175.*

27. Scherrer J. Germany and France: a study of the past [Germaniya i Frantsiya: prarabotka proshlogo] *Pro et contra.* 2009:89-108.

28. Barkoŭski P. The Intellectual Manifesto: Here and Now [Inteliektuaľny manifest: tut i ciapier] *Political sphere [Palityčnaja sfera].* 2013;21(2):93-96.

Статья поступила в редакцию 08.04.2020 г.